

Начальной страницей «разорения русского» первых лет XVII в. явилось движение Лжедмитрия I, и куряне приняли активное участие в «смуте на Ростригино имя».

Весть об антиправительственном восстании в Курске была получена в лагере Самозванца у Новгорода Северского 10 декабря (30 ноября по старому стилю) 1604 г. Воеводу Г. Б. Долгорукого Рошу и голову Я. М. Змеева, арестованных горожанами, быстро доставили в стан «царевича Димитрия Ивановича». Видные дворяне предпочли расправе переход на сторону «законного государя» и в тех же должностях отправились в Рыльск. Курском же по воле «расстриги» стали управлять дворянин московский К. И. Щербатый и выборный по Алексину Б. М. Глебов; первого из них вскоре сменил козельский выборный князь Г. П. Шаховской, который незадолго до этого собирал в Курске детей боярских в поход против Самозванца. (По мнению Р. Г. Скрынникова, там не блиставший знатностью князь попал в плен к повстанцам. Но Г. П. Шаховской, сделавшийся приближенным Лжедмитрия, мог и добровольно оказаться в числе его приверженцев. Недаром вскоре выборный дворянин очутился на воеводстве в Белгороде).

Видимо, куряне выступили «всем городом» против царя Бориса (в последние дни ноября 1604 г.) по примеру Путивля и Рыльска. Недовольные своим положением мелкие служилые люди охотно поверили в то, что «прирожденный» царевич избавит их от притеснений, виновником которых считали «узурпатора» Годунова.

Известно, что Лжедмитрий, стараясь, очевидно, снискать расположение жителей южных уездов, публично называл курскую икону Богородицы своей покровительницей (см.: Назаров В.Д. Из истории внутренней политики России начала XVII в. // История СССР. 1967. № 4. С. 102. Примеч. 81).

Курск поддержал и мятеж путивлян против нового царя Василия летом 1606 г. С точки зрения И. И. Смирнова и В. И. Корецкого, один из предводителей восстания венёвский сотник И. Пашков вёл свой отряд из Путивля к Рязани по течению Сейма, между прочим, через «Куреск». Согласно В. А. Просецкому, двигаясь к Туле в 1607 г., в Курске побывал и другой вождь движения И. И. Болотникова - Илейка Муромец («царевич Пётр»), 9 декабря 1606 г., вскоре после одержанной правительственными войсками победы над «ворами» у стен Москвы, курские казаки В. Горбунов «с товарищи» были посланы из столицы с агитационными грамотами в южные города, включая Курск. Призыв «отстать» от смутьянов, однако, не возымел действия: и в конце весны следующего года куряне отказывались признать власть Василия Шуйского. По наблюдению И. С. Шепелева, с 1608 г. его воеводы не упоминаются в Курске, который, вероятно, подобно другим «северским» и «польским» городам, держал сторону Лжедмитрия II. Тот в 1609 г. выдал своему «тестю» сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку грамоту с правом владения Курском (см.: Бутурлин Д. История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1841. Ч. 2. Прилож. С. 72). В условиях всё разрастающейся «межъусобной брани» едва ли это право было реализовано. Хотя сохранилось известие о том, что в апреле того же года Курск вышел из-под контроля «Тушинского вора» (см.: Собрание русских памятников, извлечённых из семейного архива графов Делагарди/ Изд. Г. Саблер. Юрьев, 1896. С. 16), скорее всего и в последующие месяцы куряне считали своим государем «Димитрия Ивановича». Одного выходца из Курска, возможно, крестьянина, Самозванец наделил поместьем (см.: Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 350).

Н. П. Долинин не называет Курск в числе городов, на которые в январе 1612 г. распространялась власть земского ополчения. Но поскольку между 1 сентября 1611 и 31 августа следующего года курянин В. И. Чаплыгин «по боярской и по земской даче» стал владеть поместьем, видимо, его земляки поддержали ополченцев, стремившихся изгнать из Москвы польско-литовские войска.

Последние, а также черкасы (украинские казаки), предположительно возглавляемые А. Лисовским, вероятно, в феврале 1613 г. осаждали Курск (см.: Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в.//Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 144-145). Был занят и разграблен большой острог; жители укрылись «в городе, да в малом острошку», взять который врагам не удалось. Когда «литва» с черкасами начали отступать от стен крепости, ее защитники совершили удачную вылазку. Ещё до осады куряне нанесли поражение «литовским людям» в Усажском стане (К.П. Беседин привел оттуда в город двух «языков») и предприняли успешный поход против них же в Краснополье и на Ивоту, что в Путивльском уезде. Польско-литовские отряды и татары опустошали окрестности Курска вплоть до лета 1613 г. Так, путивльских служилых людей И. Золотарёва и Г. Конашева, посланных с отписками к новому царю, тогда «промеж Курска и Кром на речке на Свопе» «крымские и ногайские люди взяли в полон».

Воскресенский поп Константин представлял Курск на Земском соборе 1613 г., избравшем московским государем Михаила Фёдоровича. Его правительство направило в Курск воеводу Ю.И. Татищева.

В апреле 1613 г. в поход к Путивлю, завершившийся освобождением этого города от польско-литовских войск, наряду с рылянами были назначены и курские служилые люди (см.: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 1106, 1137).

Три года спустя, как указывает Ф. П. Тройно, отряд поляков и литовцев вновь осадил Курск; возрожденная двумя десятилетиями ранее крепость опять устояла. Служилые люди под началом дворянина И. А. Анненкова тогда же разбили под Курском ногайских татар.

В течение осени 1615 - лета 1618 гг. курские дети боярские и казаки участвовали в походах против «литвы» к Брянску и Рославлю, «по стародубским вестям», восстанавливали разорённый Оскол. Сохранилось упоминание о «курских службах» того времени (см.: Кормлёная книга Костромской чети 1613-1627 / Сообщ. А.Н. Зерцалов. СПб., 1891. С. 93), когда городу угрожали «литовские люди» и татары. Тогда в Курске насчитывалось 753 сына боярских, 300 конных казаков, 200 пеших стрельцов, 50 пушкарей и затинщиков, 7 воротников, 7 рассыльчиков, 4 кузнеца, т. е. 1321 служилый человек (от 100 до 200 детей боярских, стрельцов и казаков, сменяясь через три месяца, находилось в Рыльске, безопасность которого внушала тревогу правительству). На 5 июля 1619 г. численность курского гарнизона сократилась до 1242 человек (697 детей боярских, 300 конных казаков, 200 пеших стрельцов, 45 пушкарей, затинщиков, воротников и плотников).

В царском указе 1622 г. Курск относился к 33 наиболее пострадавшим за годы Смуты городам; местные дети боярские «для их бедности и разорения» освобождались от уплаты подписных и печатных пошлин (см.: Сташевский Е. Очерки по истории царствования